

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 139, апрель 2026

Киберпространство и цифровые технологии: производственные силы и идеологии

Амадео Бордига в своей работе 1953 года рассматривает весьма широкое понятие экономической структуры и «средств производства»: «Понятие “экономической базы” того или иного человеческого общества выходит, таким образом, далеко за пределы той поверхностной интерпретации, которая сводит его исключительно к вопросам оплаты труда и товарного обмена. Он охватывает всю сферу форм воспроизводства вида, или семейных институтов, и хотя неотъемлемой частью этого являются технические ресурсы и набор инструментов и материальных средств любого рода, его сферу применения не следует ограничивать ролью простого хранилища образцов, а следует включать в него все имеющиеся механизмы передачи от поколения к поколению всей социальной “технологической мудрости”. В этом смысле, наряду с устной речью, к средствам производства следует отнести и такие общие сети коммуникации и передачи информации, как письменность, пение, музыка, изобразительное искусство и печать, поскольку они выступают в качестве средств передачи производственного потенциала. В марксистском понимании литература, включая поэзию, а также наука представляют собой высшими и дифференцированными формами средств производства и возникают для удовлетворения той же потребности, что и непосредственная и опосредованная жизнь общества».

Не удивляйтесь тому, что поэзия, пение и музыка упоминаются наряду с наукой; Бордига относит «служащее средством запоминания хоровое пение магики-мистико-технологического характера» к «первоначальному средству передачи социального наследия»: там, где передача знаний была еще полностью или преимущественно устной, интонация, ритм и рифмованное повторение способствовали запоминанию. Следующий шаг оказался более сложным. Сталин в работе “Марксизм и вопросы языкознания” утверждал, что язык не следует ни за судьбой производственной базы, ни за судьбой

надстройки. Цель, как утверждает Бордига, заключалась в том, чтобы вывести язык «постепенно, вместе с национальной культурой и культурой родины» из «бурной реки истории», а именно «за пределы сферы производственной базы, за пределы сферы политических и идеологических производных». Речь идет о легитимации СССР как «социалистической родины», что сыграло решающую роль в участии российского империализма во Второй мировой войне и последующем Ялтинском переделе, а также о роли, которую сыграло преобладание «великорусского» начала в отношениях с многообразием языков и национальностей СССР.

Нас здесь интересует теоретическая сторона этого опровержения сталинских тезисов. «Диалектически», — пишет Бордига, — язык может быть как надстройкой, так и средством производства. «Язык в целом и его организация в стихах в целом являются инструментами производства. Но конкретное стихотворение, конкретная поэтическая школа, относящиеся к определенной стране и веку, являются частью — отделяясь от предшествующих и последующих — идеологической и художественной надстройки определенной экономической формы, определенного способа производства». Здесь также приводится цитата из Фридриха Энгельса, из работы “Происхождение семьи, частной собственности и государства”: высшая стадия варварства «начинается с плавки железной руды и переходит к цивилизации в результате изобретения буквенного письма и примечания его для записывания словесного творчества [...] его полный расцвет выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в «Илиаде»». Так же, продолжает Бордига, в “Божественной комедии” можно увидеть «похоронную песнь феодализма», его панихиду, а в трагедиях Шекспира — «пролог к капитализму».

Итак, язык «во все времена является средством производства, но отдельные языки представляют собой надстройку, как, например, когда Алигьери пишет свою поэму

не на латыни классиков или церкви, а на итальянском народном языке, или когда в ходе Реформации происходит окончательный отказ от древнесаксонского языка в пользу современного литературного немецкого».

Здесь, возможно, изложение слишком увязает в схематизме. Формула, более соответствующая историческому развитию, заключается в том, что отдельные языки являются также надстройками. Карло М. Чиполла в работе “Образование и развитие” приводит данные из “Хроники” Джованни Виллани о том, что во Флоренции XIV века из 23 тысяч мальчиков в школу ходили от 8 до 10 тысяч, а уровень грамотности составлял около 40%. С другой стороны, опять же во Флоренции, «считалось само собой разумеющимся, что ремесленник должен уметь “писать, читать и считать”».

Таким образом, зарождающийся итальянский «единый язык», тот «вольгаре», который Данте освятил в “Божественной комедии”, был, с одной стороны, идеологическим и литературным отражением перехода от феодального общества к зарождению городской буржуазии, но в то же время являлся «средством производства» для коммерческой деятельности этой самой буржуазии.

Впрочем, это не единственный случай, когда марксистская наука сталкивалась с этой двойственной природой подобных институтов капиталистического общества. В “Тезисах о ленинской тактике в кризисе школы” говорится, что школьное учреждение представляет собой «двойственную организацию: с одной стороны, это организация по разработке и распространению идеологии, а с другой — по образованию»; в этой образовательной функции школа «является одним из источников

прибавочной стоимости труда и рабочей силы».

При изучении гигантов СМИ и роли, которую играют крупные медиа-холдинги, эти группы сравнивают с «кентаврами»: с одной стороны, это крупные группы, конкурирующие между собой на рынке рекламы, развлечений и информации, с другой — участники и посредники политической борьбы в новых формах телевизионной демократии. По расширенному определению то же самое можно сказать о платформах, действующих через социальные сети на цифровом рынке, а вместе с ними и об искусственном интеллекте, который к ним теперь привязан. Здесь прослеживаются многогранные характеристики средства производства, коммерческого посредника и самого продукта потребления, предлагаемого через приложения на смартфонах, и, наконец, распространителя политического и идеологического контента, иногда подбираемого под индивидуальные пользователей или просто отбираемого вероятностными алгоритмами из бесконечного множества материалов в сети.

Рассмотрение этих черт киберпространства — как принято называть совокупность взаимосвязей цифрового мира и сети — является ещё одним необходимым шагом для понимания его влияния на производство, социальные отношения и саму человеческую природу; это влияние обещает быть или, по крайней мере, считается колоссальным. Марксистская теория обладает инструментами для понимания нового, демистификации его идеологий, а также для ухода от претензий религии на то, чтобы сдерживать эти противоречия в рамках своих этических заповедей.

Lotta comunista, март 2026 г.

Содержание

Киберпространство и цифровые технологии: производственные силы и идеологии	стр. 1
Американская импровизация и третья война в Персидском заливе	стр. 2-3
Война-спектакль?	стр. 4

Американская импровизация и

По мнению журнала *“The Economist”*, война, начавшаяся 28 февраля с американо-израильского удара по Ирану, по праву заслужила название «третьей войны в Персидском заливе». Следует уточнить, что военное столкновение между Ираном и Ираком в 1980–1988 годах унесло жизни по меньшей мере полумиллиона человек и оставило свой след в Персидском заливе не меньше, чем последующие конфликты. Однако если учитывать только войны, начатые Соединенными Штатами в попытке сдержать свой упадок, то нынешняя война следует за конфликтами 1991 и 2003 годов. Итак, третья война в Персидском заливе.

Конфликт уже вышел за пределы региона, охватив все страны этого района; поворотным моментом стало беспрецедентное убийство Али Хаменеи, духовного и политического лидера Ирана, в первый день войны. Цели войны неясны: это «война без стратегии», пишет *“The Economist”*. В ударе по Ирану, после удара по Венесуэле, якобы присутствует намерение оказать давление на Китай, настоящего соперника столетия. Но «плоды импульсивного подхода» Дональда Трампа и его «атаки на мировую экономику» еще предстоит увидеть. С другой стороны, след трех войн полезен именно для сравнения с китайским вопросом.

В 1991 году стратегическая обстановка не касалась Китая, который только что вышел из кризиса на площади Тяньаньмэнь и еще не приступил к возобновлению реформ и политики открытости Дэн Сяопина. Основной причиной военной операции США в Персидском заливе был ответ на многополярность, вызванную воссоединением Германии и распадом СССР, а в Азии она, скорее, касалась Японии. По мнению Арриго Черветто, в связи с «полувойной» в Персидском заливе США оказались «в центре каждого баланса сил» с перспективой «новых перестановок на мировой арене».

Вторая война, разразившаяся в 2003 году, была войной за нефть, но в первую очередь — с помощью нефти. Политическая война Джорджа Буша-младшего имело ставкой время подъема Китая, а сопутствующей целью — дать ответ Европе, которая через десять лет после воссоединения Германии перешагнула порог статуса валютной державы с введением евро. В перспективе подъема Китая Вашингтон заявлял о намерении опередить всякую державу, которая намеревалась бы бросить ему вызов; обеспечение контроля над Персидским заливом, гарантируя его открытый доступ, было способом оказать давление на Пекин.

С точки зрения нашего марксистского анализа это открывало новую стратегическую фазу: если США нуждались в войне для восстановления баланса, это свидетельствовало о том, что равновесие больше нельзя было поддерживать только теми средствами, которые использовались в предыдущие десятилетия. Китай должен был превратиться в империалистическую державу в течение одного поколения. Это означало новую стратегическую фазу, которая была затмением того длительного цикла, который мы определили в наших «Тезисах 1957 года».

Третья война в Персидском заливе на самом деле объединяет две войны. Война Израиля, начавшаяся с целью восстановления сдерживания после террористических атак 7 октября, продолжается уже более двух лет на нескольких региональных фронтах: против проиранских ополченцев в регионе и против самого Ирана, чтобы ослабить его ракетные силы и предотвратить появление шиитской бомбы.

Другая война — это война Соединенных Штатов. В ходе третьей войны США вновь нанесли удар по артерии Персидского залива, чтобы оказать давление на Китай, но в радикально изменившейся си-

туации. Прошедшие с 2003 года двадцать лет — это как раз тот временной промежуток одного поколения, который, как предполагалось, требовался для превращения Китая в империалистическую державу. В этом смысле, с точки зрения баланса сил, цикл «Тезисов» завершен. Война по выбору 2003 года не повлияла на объективный ход империалистического развития Китая, а, скорее, могла ускорить его в политико-стратегическом плане. Кризис глобальных отношений 2008 года в свою очередь ускорил его восхождение в экономическом плане.

Конфликты 2001 года в Афганистане и 2003 года в Ираке стали бременем для США, подтвердив неспособность американской политической культуры выдерживать длительные обязательства за рубежом. Именно это стало одним из ключевых факторов, определивших решение Барака Обамы о выводе войск из Ирака, несмотря на стратегические последствия для контроля над Персидским заливом. Тем не менее, в регионе оставалось 50 000 военнослужащих, размещенных на различных базах в странах Среднего Востока. В свою очередь, эти базы сегодня стали целью иранских ракетных ударов, а способность США защитить страны Персидского залива, на территории которых они расположены, является ставкой в новом конфликте, который вовлекает в себя от иранских до американских прокси. Гарантии безопасности, которые обеспечивали эти базы в обмен на поставки энергоресурсов, стали одними из побочных жертв.

Что касается подъема Китая, то заявленные Пекином в 2017 году цели — создание военной мощи мирового уровня к 2035 году — в сочетании с потрясениями, связанными с атлантическим упадком, позволяют предсказать, что это десятилетие станет периодом кризиса и войн, связанным с кризисом мирового порядка. Из двух возможных путей развития этого кризиса — прямой войны между великими державами, маловероятной, но не исключенной, или цепочки локальных конфликтов на фоне нарастающего напряжения — второй вариант уже стал реальностью, а не предметом стратегических прогнозов. Третья война в Персидском заливе в полной мере вписывается в эту картину.

Могут ли, таким образом, война с Ираном, а также переворот в Венесуэле из-за нефтяных последствий повлиять на Пекин? Необходимо сделать три уточнения.

Отсутствие вразумительных стратегических дебатов в администрации и прием стратегической импровизации, характерной для американского президентства, усложняют оценку. До сих пор наиболее плодотворным был подход Уолтера Рассела Мида, согласно которому Трамп действует инстинктивно и без стратегических размышлений, но в конечном итоге его действия следуют американским политическим традициям и основным направлениям внешней политики США. В Америке течение, противостоящее ядерному распространению Ирана, всегда было сильным в Республиканской партии, вплоть до поддержки «максимального давления» на Тегеран в первый срок Трампа и обсуждение военного варианта: варианта, который не исключал даже сам Генри Киссинджер. Это же относится и к доктрине Картера — гарантии открытых дверей в Персидском заливе против любой враждебной державы — и ее распространению на противостояние с Китаем, которое уже было начато при президентстве Буша-младшего двадцать лет назад. И здесь неясные действия нынешней администрации вписываются в давнюю линию американской внешней политики.

Своего рода, Трамп выступает в роли исполнителя завещания линии Киссинджера и доктрины Картера. Однако именно то, каким образом это происходит

является решающим моментом. Именно способ исполнения и вероятность того, что он может свести на нет даже достижение тех целей, которые ставит перед собой администрация, находятся в центре внимания многих комментаторов. Действительно, потрясения, связанные с упадком Америки, и специфические черты этого президентства, рожденного политическим спектаклем и телевизионной демократией, на самом деле имеют тенденцию усиливать друг друга и усугублять проблемы подготовки и военно-политического ведения войны. В 1991 и 2003 годах США действовали в рамках альянсов, и войне все же предшествовало политическое противостояние с другими державами. Сегодня Америка действует в односторонней импровизации.

США действовали в обход союзников и демонстрировали, что игнорируют глобальные последствия войны; администрация президента выражает удовлетворение массовым устранением своих потенциальных собеседников в Иране; сами же лидеры Вашингтона заявляют, что удивлены реакцией Ирана и блокированием Ормузского пролива. Война превращает США в фактор нестабильности на Ближнем Востоке: Европа, Япония, Индия расплачиваются за это. Военное превосходство требует политической реализации, которое является также и искусством войны. Непреднамеренные последствия односторонней войны в разной степени затрагивают державы, зависимые от потоков из Персидского залива. Это может подпитывать, а не сдерживать многополярные тенденции упадка Америки. Именно: непреднамеренные последствия.

Второе уточнение касается изменений в стратегической картине 2003 года. Мы уже давно отмечаем эрозию доктрины Картера, вызванную проникновением Китая в Персидский залив. С другой стороны, следует учитывать превращение США в энергетическую сверхдержаву, которая с 2017 года является нетто-экспортером газа, а с 2020 года — нефти.

Дин Ган, старший обозреватель газеты *“Жэньминь жибао”* и член Института Чунъюн, приписывает Трампу рациональный, если не «хитрый» расчет именно в этом смысле: помимо контроля над китайскими поставками через Иран и Венесуэлу, магнат стремится завоевать долю азиатского рынка для американского экспорта энергоресурсов.

Тем не менее следует отметить ключевое отличие от всех предыдущих войн, в основе которых лежала борьба за энергетическую артерию: США, став экспортерами, больше не зависят от нее напрямую.

Таким образом, обеспечение открытых дверей больше не является непосредственной задачей американской сверхдержавы, и акцент смещается на возможность вмешательства в Персидском заливе как инструмента регулирования баланса сил и как стратегического оружия. Вашингтон, учитывая свой упадок, делает ставку на роль энергетической, а не только военной сверхдержавы: поэтому он может себе позволить, или по крайней мере считает, что может себе позволить, погрузить в хаос артерию Персидского залива, чтобы заставить другие державы сесть за стол переговоров. Эта тактика может быть расценена как авантюристская или импровизированная, но она соответствует психологии Трампа; это *«Epic Gamble»* — эпическая ставка, как утверждает *“Financial Times”*, — а также следствие доктрины Картера в версии Трампа: США не ограничиваются предотвращением контроля над Персидским заливом со стороны какой-либо враждебной державы, что имело место в войнах против Ирака и что также можно проследить в предотвращении иранской бомбы; они используют свое новое положение энергетической державы и военный потенциал, позволяющий свергнуть

эту артерию в хаос, чтобы предъявить требование о переговорах державам, зависящим от ближневосточной нефти.

Подобно тому, как рокировка в Венесуэле стала признаком приобретенного переговорного рычага в отношении Китая, так и Трамп, по-видимому, намерен действовать в Иране: «трамповскому следствию» доктрины Монро в Западном полушарии соответствует «трамповское следствие» доктрины Картера в Персидском заливе в его взаимосвязи с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Является ли это продуктом тщательного продуманного стратегического планирования или нет, в любом случае результат будет определен в противостоянии. Кроме того, следует напомнить, что аналогичная операция уже проводилась администрацией Байдена в Европе, когда США выступили против газопровода *“Северный поток-2”*, что ускорило развязанную Россией в 2022 году войну. Результатом стало перекрытие евро-российской энергетической артерии и энергетическая зависимость Европы от сжиженного газа, импортируемого из США.

Третье уточнение касается империалистического роста Дракона. Одно дело — думать о том, чтобы влиять на Китай в 2003 году; совсем другое — предполагать, что в течение десятилетия удастся повлиять на азиатского гиганта, равного в экономическом плане и способного сдерживать США в военном отношении, по крайней мере в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сегодня на долю Китая приходится 32 % мирового производства электроэнергетики, против 15 % у США, 12 % у Европы и 3 % у Японии. В 2003 году на его долю приходилось 11%, против 24% у США, 19% у ЕС и 6,5% у Японии. Двадцать лет назад прогнозировалось, что Китай превзойдет совокупную мощь старых держав, и это сделает невозможным простое включение его в послевоенный порядок старого империалистического картеля. Неизбежно, что новые отношения нашли свое отражение в Персидском заливе.

В 2004 году 13 % ближневосточного экспорта нефти по-прежнему приходилось на США, 16 % — на Европу и лишь 6 % — на Китай. Эта война, начавшаяся по решению Буша-младшего, затронула перспективы развития Китая, но в ближайшей перспективе продолжала оказывать влияние на Японию (21 %). Сегодня 35% ближневосточного экспорта направляется в Китай, против 3% в США, 9% в Европу и по 12% в Индию и Японию. Захватить энергетическую артерию означает в первую очередь обратиться к Дракону, который импортирует из Ирана десятую часть своего потребления нефти, что, тем не менее, является значительной долей.

В то же время следует оценить, насколько Китай действительно подвержен влиянию из-за своей зависимости от стран Персидского залива или от Венесуэлы. Расчеты Цзинь Цанжуня, опубликованные в нашей газете в декабре, сегодня выглядят скорее как обоснованное размышление, чем как гипотетический сценарий: Пекин готовился заменить пятую часть импорта сырой нефти за счет внутренней разведки, начатой в 2020 году, пятую часть — за счет железнодорожных поставок из Центральной Азии и пятую часть — за счет электрификации автомобилей. Остальная часть должна была покрываться синтетическим бензином из угля по ценам военной экономики. К этому следует добавить расширение стратегических запасов в последние годы и закупки нефти у России в последние месяцы; покажет время, насколько это усилит переговорные позиции Москвы по отношению к Пекину.

Если Китай и стал менее уязвимым для влияния через нефть по сравнению с 2003 годом, то новость заключается в том, что именно двадцать лет импери-

третья война в Персидском заливе

листического развития сделали уязвимой его сферу влияния на Ближнем Востоке. Война ударяет по стратегическим отношениям с Тегераном и по дипломатической инициативе Дракона, который всегда заботился о балансе с Эр-Риядом и арабскими столицами Персидского залива; Трамп нарушает баланс, к которому Пекин стремится годами, и показывает пределы китайского влияния в военной сфере.

Лю Чжунминь, директор журнала «Исследования арабского мира» Шанхайского университета международных исследований, пишет, что Трамп хотел бы избежать втягивания в затяжной конфликт в Персидском заливе, но такая способность «контролировать эскалацию» весьма сомнительна. Автор предполагает, что среди козырей Китая есть ожидание того, что США увязнут в ближневосточном болоте.

Согласно древнему китайскому изречению «сидеть на горе и смотреть, как тигры дерутся», Пекин наблюдает, как этот магнат подрывает отношения США со всеми великими державами. США остаются «в центре всех противостояний», но это приводит к колебаниям во всем старом мировом порядке. Пекин может извлечь выгоду из распыления военных и политических ресурсов США на Ближнем Востоке, хотя и страдает от частичного перебоя и подорожания энергопотоков. Искусство стратегического терпения, впрочем, не обязательно подразумевает пассивное ожидание, но может включать косвенную поддержку военных усилий Ирана и изнурения США.

Зинэб Рибуга, научный сотрудник в Hudson Institute в Вашингтоне, пишет, что «Epic Fury» — это первая американская военная операция, направленная против одной из региональных опор Китая: на протяжении десятилетия Пекин поддерживал и «индустриализировал» иранскую ракетную программу, поставляя компоненты и обеспечивая спутниковое покрытие системы BeiDou-3. Это покрытие не было приостановлено даже во время войны.

Во все время Китай, по-видимому, использовал иранскую угрозу для развития отношений с арабскими государствами и осуществления, благодаря соглашению, подписанному в Пекине в 2023 году между Ираном и Саудовской Аравией, настоящего «политического входа» в регион Залива. По мнению Рибуга, война «подрывает» эту долгую работу по налаживанию связей и открывает более широкий конфликт, поскольку обнажает военную опасность, исходящую от отношений с Китаем. Пострадал имидж Китая как противовеса американскому давлению, предлагаемого странам Глобального Юга. С другой стороны, в настоящее время наблюдается быстрое восстановление китайской дипломатии в регионе.

Война в Персидском заливе касается не только Китая. Россия получает выгоду: она переводит дух, извлекая пользу из роста цен на энергоносители и освобождения от американских санкций. Индия, Япония, Корея и Европа страдают как от прямых последствий для энергетики, так и от глобальных последствий дестабилизации в этом регионе.

Токийская пресса не скупилась на критику в адрес Трампа, в том числе из-за того, что Япония в большей степени зависит от поставок из Ормуза. Газета «Nikkei» быстро обратил внимание на то, что газ и нефть используются в качестве политического оружия в конкуренции между США и Китаем. По мнению газеты «Yomiuri», война, развязанная США, является «абсолютно безответственной». «Mainichi Shimbun» опасается, что Вашингтон использует «свое энергетическое господство [...] без учета трудностей, с которыми сталкиваются другие страны».

Нью-Дели держался на расстоянии и отстаивал преимущества своей политики многосторонних связей, в том числе отношения с Тегераном. Индия импортирует половину своей нефти и 80% газа через Ормузский пролив, а 40% иностранных денежных переводов поступает от 10-миллионной индийской диаспоры в Персидском заливе. Война имеет непосредственные внутренние последствия, особенно в отношении цен на газовые баллоны для приготовления пищи. По мнению Ханнимона Джейкоба из Council for Strategic and Defense Research, под угрозой оказываются многочисленные связи Дели со всеми воюющими сторонами: «Это один из тех случаев, когда отсутствие реакции — лучший ответ». По мнению К.К. Сингха, бывшего министра иностранных дел и посла в Иране, Индия с трудом сохранила равновесие, которое было подвергнуто серьезному испытанию в результате нападения на Тегеран, произошедшего всего через несколько часов после визита Нарендры Моди в Тель-Авив, а также вследствие обстрела США иранского фрегата «Дена», возвращавшегося с индийских военно-морских учений. Дели ответило, предоставив убежище еще одному кораблю иранской делегации, а также обратилось к ЕС, предложив свои добрые услуги в отношениях с Тегераном.

В нашем анализе мы всегда подчеркивали важность европейских интересов в этом «многомерном» регионе Персидского залива. По сравнению с войной 2003 года главное отличие заключается в переоснащении европейских вооруженных сил, которое тогда на двадцать лет было приостановлено по инициативе США, а сегодня возобновилось в ответ на войну в Украине и обострение атлантического кризиса.

В Персидском заливе Европа находится в более отдаленном положении, возможно, выгодном для «игры на длинных передачах», которая в любом случае неизбежна, но вынуждена следовать за Америкой, поведение которой трудно понять, в регионе, представляющем стратегический интерес для ЕС и непосредственный интерес для его южных соседей. В некоторых аспектах Союз, похоже, недалеко ушел от ситуации, описанной Гельмутом Шмидтом в книге «Люди и державы» о 1980-х годах: европейцы могли, в лучшем случае, пытаться смягчить последствия американской ближневосточной политики, которая на самом деле не понимала этот регион. Старый континент, — отмечал Шмидт, — обладал более обширными знаниями и, безусловно, большим опытом. Именно по этой причине ни одно европейское правительство [...] никогда не выдвигало идеи предложить «решение» «проблемы Среднего Востока». На самом деле речь шла о клубочке «сложных, нерешенных и порой неразрешимых» проблем, которые нельзя рассматривать изолированно, как того иногда хотелось бы «оптимизму» Вашингтона. Однако европейцы были вынуждены сдержанно реагировать на «порой непоследовательную политику» Соединенных Штатов, поскольку «понимали, что могут отстаивать свои жизненно важные интересы только совместно с американцами».

Спустя сорок лет эта вынужденная ситуация в значительной степени подтверждается, но ее пропорции изменились: десятилетия интеграции в федеральные и конфедеративные структуры европейского империализма, а также сегодняшняя динамика перевооружения, сопровождающаяся сближением Лондона с ЕС, способны поднять эти закономерности движения на более высокий уровень и, следовательно, позволить реализовать самостоятельную инициативу. Следует отметить, что временные рамки европейского перевооружения

и сдерживания составляют 5–10 лет, в то время как в условиях нынешнего кризиса реальный процесс политической централизации, по крайней мере на начальном этапе, не позволил выйти далеко за рамки отказа от участия в военных действиях.

Настоящее поражение Европы в политике в отношении Ирана произошло в 2018 году, когда Трамп вышел из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, заключенного при решающем участии Европы, и когда оказалось невозможным ответить на угрозы США ввести вторичные санкции в отношении SWIFT, системы международных финансовых операций. Европейская попытка создать автономный механизм INSTEX так и не была реализована из-за опасений европейских компаний и банков подвергнуться ответным мерам со стороны США. Сегодня потенциал создания независимого канала для финансовых потоков вновь возникает благодаря цифровому евро, однако сроки его реализации пока остаются неопределенными.

Что касается реакции Европы на третью войну в заливе, то после первоначальной какофонии заявлений сформировалась согласованная позиция вокруг ядра ЕЗ — Лондона, Парижа и Берлина, потенциальной европейской директории, расширенной до Е4 с включением Рима. Этот формат и процесс, охватывающий различные столицы, подтверждают парадоксальную диалектику, согласно которой вес государств может оказаться фактором, ускоряющим развитие тех форм прагматического федерализма, которые отстаивает Марио Драги. В отличие от 2003 года, США не обратились к Европе с предварительной просьбой принять участие в военной операции, а Европа, в свою очередь, воздержалась от прямого противодействия войне, которое могло бы расколоть её или подорвать процесс перевооружения. Последующие события показывают, как американская инициатива может вновь сплотить ЕС, даже если она является результатом дилетантского поведения: президент США требует, чтобы военно-морские силы союзников и противников поспешили потушить пожар, который он сам разжег в Персидском заливе, и угрожает последствиями для зонтика НАТО, уже пошатнувшегося из-за атлантического кризиса. Морская миссия под эгидой США имела бы характер союзничества и была отвергнута европейскими и азиатскими союзниками, а также Китаем.

Кризис позволяет Пекину позиционировать себя как силу, обеспечивающую стабильность, истинного наследника реформированного мирового порядка и, при необходимости, безопасное убежище для капиталов из стран Персидского залива. Существует объективное пространство для европейской инициативы, предлагаемой странам Персидского залива и, по расширению, странам Азии, в качестве защитного вала от американского хаоса и политической ненадежности первой военной державы: защиты не только от иранских ракет, но и от неконтролируемых последствий авантюризма США. Вспомним о сближении с Японией в вопросах судоходства в Ормузе и безопасности энергетической инфраструктуры, ставшей мишенью воюющих сторон.

Таким образом, европейская военная инициатива складывается вокруг трёх направлений: воздушно-морская оборона Кипра в восточной части Средиземного моря; воздушная оборона или поставки оружия союзникам на Среднем Востоке; и, наконец, перспектива проведения международной морской миссии в водах Персидского залива после того, как военные операции в основном прекратятся, с целью обеспечения прекращения огня и, следовательно, переговоров с Ираном; в этой миссии свою помощь предложила также Индия. Таким образом, европейский ин-

тервенционизм имел бы преимущество в том, что он представлялся бы как оборонительный и отличный от американской наступательной операции. Это проявление вмешательства европейского империализма в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и в Персидском заливе, которое служит хорошим испытанием для «священного союза» европейского перевооружения, от Джорджии Мелони до Педро Санчеса.

К этому добавляются решительные шаги в области сдерживания в среднесрочной перспективе. Париж объявляет об увеличении количества своих ядерных боеголовок, о возможном временном развертывании ядерных сил в восьми странах (Великобритании, Германии, Польше, Нидерландах, Бельгии, Швеции, Дании и Греции), а также о возможности для других европейских держав оказать Франции «поддержку» с помощью обычных вооружений в сферах раннего предупреждения, противовоздушной обороны и ракетных ударов.

Инициатива Эммануэля Макрона по созданию европейской системы «передового сдерживания» стала важным поворотным моментом: она подтверждает, что ядерная энергетика является предпочтительной областью для обеспечения стратегической автономии Европы, и в то же время демонстрирует ее внутренние противоречия. Франция, единственная ядерная держава в ЕС после Brexit, стремится возглавить процесс европеизации системы сдерживания, но при этом сохраняет за собой принципы собственной доктрины и окончательный суверенитет над ядерной кнопкой. С одной стороны, такая двойственность — единственный способ обеспечить внутренний консенсус в отношении стратегического курса, намеченного Макроном. С другой стороны, рассчитанная двусмысленность является неизбежным путем и для евро-примирения французских соправителей, поставленных перед стратегическим выбором: вчера с помощью монеты, а сегодня с помощью меча. Таким образом, европеизация французского сдерживающего потенциала движется сквозь амбивалентность каждой из сторон процесса.

Жан-Доминик Мерше пишет, что европейские столицы будут ждать результатов президентских выборов во Франции в 2027 году, прежде чем предпринимать конкретные шаги. Кандидаты в президенты, а также Марин Ле Пен и Жордан Барделла в совместном письменном заявлении дают заверения, которые, хотя и являются значимыми, сами по себе не могут развеять неопределенность. В качестве противовеса выступает немецкая гарантия, сопровождаемая одновременным зажиганием зеленого света франко-германской руководящей группе по ядерной энергетике, что завершает треугольник договоров Ахенского, Кенсингтонского и Нортвудского соглашений между Лондоном, Парижем и Берлином. Весомое подтверждение того, что европейский ядерный путь возможен. Конвенциональная поддержка, на которую ссылается Париж, может задать рамки германского перевооружения, приемлемые для Франции. Берлин играет ведущую роль в основных европейских проектах — JEWEL, ESSI и ELSA — касающихся конкретных возможностей в области раннего предупреждения, противовоздушной обороны и противоракетной обороны. Рим также участвует в ELSA и может найти в «поддержке» путь к более структурированному участию в европейском сдерживании.

Третья война в заливе усугубляет поддержку в централизации политической жизни континента. Империалистическая Европа отстает от времени, но готова воспользоваться кризисами и войнами, вызванными кризисом порядка, чтобы ускорить свой ход. Это бег против времени и для европейского ленинизма.

Lotta comunista, март 2026 г.

Война-спектакль?

Следом за *политикой-спектаклем* и *дипломатией-спектаклем* они опустили до гнусности *войны-спектакля*? На первый взгляд, так оно и есть. Пентагон выпускает отчёты на манер видеоигры: авиаудары, ракетные пуски и смертоносные взрывы показываются под музыку для клипов в соцсетях. Всё равно, если на воздух взлетает школа, в которой находятся сто девочек – военный дебют *искусственного интеллекта*. Впрочем, военная пропаганда всегда выставляла на первый план уничтожение и издевательство над врагом; в Вашингтоне сегодня, в эпоху групп *хайтек* и *телевизионной и сетевой демократии*, меняется только стиль и методы, как взбудоражить фанатизм и зомбировать умы. В Тегеране, где доминирует буржуазия, жадная до нефтяной ренты и связанная с шиитской милицией иерархиями *аятолл*, связи с общественностью организуются по старинке – и включают в себя казни на площади избитых молодых людей. Больше всего шокирует воинственный нарциссизм Дональда Трампа с его навязчивой потребностью провозглашать военные операции и переговоры, стоя за трибуной, ставшей теперь виртуальной трибуной на экранах телевизоров и смартфонов. Одним из бедствий, что принесла *политика-спектакль*, стала эта всемирная трибуна, доступная даже самым гротескным демагогам.

Под поверхностью же скрываются вещи более серьёзные. Трамп – не столько болезнь, сколько её симптом: он воплощает в себе конвульсии *кризиса порядка*. США встревожены вторжением Китая и пытаются переложить ношу своего относительного порядка на чужие плечи, будь то союзников или противников. Средний Восток и Персидский залив остаются энергетической сокровищницей, что питает вековую кровную вражду. Тель-Авив думает, что может нанести Тегерану решающий удар. Вашингтон одно время выдвигал себя в гаранты *энергетической артерии* в Ормузском проливе, а сегодня пытается шантажировать Пекин нефтяным оружием. Монархии Залива, ранее верившие в защиту со стороны США, ныне вовлечены в конфликт. Турция и Пакистан подключаются к игре. Европа, Япония, Индия, Южная Корея и многие другие в недоумении наблюдают за американской стратегической импровизацией, что в отсутствие плана спровоцировала глобальный энергетический кризис. Китай воспользуется кризисом, чтобы предложить себя в качестве фактора стабильности.

Итак, что делать? Единственно возможный мир – это *революционный мир*. На Среднем Востоке 120 миллионов пролетариев, в Европе их 200 миллионов, а в целом мире – более 2 миллиардов. Только наш класс может выступить против варварства войны. Только коммунистический интернационализм может показать ему путь.

Очередное кровопролитие в Персидском заливе вновь доказывает неотложную необходимость интернационалистической позиции. И в этом регионе для интернационализма существует социальная база: рабочий класс на двух берегах Залива насчитывает сегодня порядка 50 миллионов человек, из которых почти половина приходится на Иран. А если говорить о Среднем Востоке в целом, включая Турцию, это число составит 120 миллионов.

На арабском берегу Залива значительная доля рабочей силы состоит из иммигрантов, в особенности из Южной и Юго-Восточной Азии. В шести странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Катаре, ОАЭ и Омане – иностранное население оценивается в 35 миллионов человек, что составляет более половины; естественно, что доля иммигрантов ещё выше среди наёмных рабочих. Также естественно, что они – среди жертв этой войны.

Наёмные рабочие и иммигранты: таков разрез социальной реальности, что существует во всём мире, что выше любых “культурных” различий и что мотивирует необходимость и возможность интернационалистической классовой политики.

Быстро стареющие метрополии

В “старых” метрополиях, таких как Италия, старение населения делает иммиграцию безальтернативной. Лаура Дзанфрини из Католического университета Милана в “31-м отчете о миграциях – 2025” Фонда ISMU приводит такие данные: в 2022 году число занятых старше 55 лет практически сравнялось с числом занятых младше 35 лет; а всего 11 лет назад, в 2011 году, доля молодёжи была почти в два раза больше доли пожилых.

Такая скорость заставляет задуматься, а также делает неизбежным использование иммиграции, поскольку демографический рост (чисто гипотетический) принёс бы плоды слишком поздно. Согласно данным INPS, 54 % рабочих – иммигрантов из стран, не входящих в Евросоюз, моложе 40 лет, тогда как среднее значение составляет 43 %.

Работа как инструмент интеграции

Грациэлла Ромео, профессор Университета Боккони, со страниц *Il Sole-24 Ore* жалуется на «путаницу между гуманитарной и трудовой миграцией». Она тоже ссылается на старение и нехватку рабочей силы, указывая, что многие европейские правительства, даже «политически враждебные к иммиграции», фактически должны принимать «политику выборочной открытости для труда». Помимо Италии она приводит пример Австрии, Германии, Греции, Ирландии, Франции, Дании, Испании.

В своём анализе она также критикует инструмент въездных квот, что оказался «юридически рудиментарным и административно неэффективным». Что касается Италии, мы неоднократно писали о скудных результатах попытки перевести эти квоты в рабочие контракты. Эта ситуация вынуждает многих мигрантов в попытке добиться вида на жительство использовать канал международной защиты. Однако в этом случае, если запрос на получение убежища отклонён, иммигранту ничего не остаётся, кроме как работать по-чёрному в качестве поденщика, курьера и т.п. Конечно, всегда найдётся предприниматель, готовый его “принять”, чтобы эксплуатировать по максимуму.

На этот путь были вынуждены встать многие иностранцы, так что становится очевидно, насколько лицемерно само различие “гуманитарных” и “трудовых” мигрантов. Все те, что отправляются в путешествия, нередко долгие и часто опасные, чтобы достичь европейской метрополии, делают это от необходимости жить и от риска её потерять в войнах, от нищеты или “просто” от голода. Людей толкает в эти авантюры существование мирового рынка рабочей силы. Так что по меньшей мере удивительно видеть, как те же самые политики, что критикуют закрытие рынков полезных ископаемых и капиталов, воздвигают стены против людей, что передвигаются в поисках лучшей жизни.

“Трудовую” миграцию невозможно удержать – и история самой Ита-

лии и других европейских стран является тому свидетельством. Если вопросом является *интеграция* новоприбывших, ответ найдётся в более чем вековом опыте, что и Ромео подтверждает в своей статье: «Работа, по сути, представляет собой основной инструмент социальной интеграции».

Негативный отбор

Здесь проявляется *стратегическая близорукость* значительной части буржуазии и, в особенности, политических партий, что трясется в страхе потерять горстку голосов на следующих выборах. Привлечение иммигрантов на рабочие места с низкой квалификацией, даже ниже их уровня образования, позволяет нажиться на неприлично малых зарплатах. «Профессиональная сегрегация», как гласит отчёт ISMU, становится и сегрегацией в уровне зарплаты. Это порочный круг, который питает то, что Банк Италии называет «негативным отбором», то есть неспособность привлечь высококвалифицированную рабочую силу.

Италия – это страна, в которой «найм в секторах и предприятиях с более низкими зарплатами оказывает значительное влияние на дифференциацию заработной платы» (ISMU). И не только: это также страна, где меньшая доля иностранцев изучает и говорит на её языке. Очевидно, это признак дисфункции государственного аппарата. Таким образом, важна деятельность волонтеров рабочих кружков, что заняты преподаванием итальянского языка иммигрантам: ведь известно, что владение языком является ключевым фактором в поиске работы.

Европейские противоречия

Не сказать, что другие европейские страны разрешили все эти проблемы. Взять хотя бы Германию, крупнейший промышленный полюс Европы, где сожительствам желание максимально использовать иммиграцию и стремление при-

этом не спровоцировать реакцию неприятия у стареющего, накопившего собственность и напуганного населения.

Министр внутренних дел Александр Добриндт, сам по себе не склонный к иммиграционной открытости, заявляет: «Каждый, кто сюда приезжает, должен иметь возможность работать, и в скором времени», потому что «наилучшая интеграция – это интеграция в мир труда» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 23 февраля). Поэтому он предлагает, чтобы вопреки нынешним правилам заявители на получение убежища могли работать через три месяца после прибытия, даже если они не получили официального одобрения запроса. *FAZ*, однако, критикует это предложение, поскольку видит в ней «сигнал» к тому, чтобы «позволить каждому работать три месяца спустя». Это притягивающий фактор, оценённый отрицательно.

Тем не менее, немецкий мозговой центр IFO предупреждает о почти демографическом падении в Германии на 5% до 2050 года, а не на 1%, как оценивалось ранее. Более того, и иммиграция будет ниже предполагаемой, если правительство ужесточит политику в этой сфере: уже в 2025 году чистая иммиграция составила 225 тысяч человек, а не 454 тысячи, как оценивалось ранее (*Financial Times*, 18 февраля).

Сила нашего класса

Handelsblatt от 23 января ссылается на ещё одно исследование IFO, согласно которому приезд 100 беженцев на 10.000 жителей приводит к появлению 7 новых предприятий и 27 новых рабочих мест.

Стоит присмотреться к этим данным, поскольку они доказывают, что иммигранты не “воруют” работу, а, напротив, увеличивают численную силу нашего класса. Превратить же численную силу в интернационалистическое сознание является задачей политической борьбы ленинистской партии.

Lotta comunista, март 2026 г.